

Роджер Гриффин

Фашизм до и после Второй Мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение*

В последнее время в политологических и исторических работах о фашизме всё больше говорят как о революционной форме анти-либерального национализма. В своем фанатичном стремлении к национальному возрождению – в особенности в Германии – в 1930-40-х годах фашизм сыграл решающую роль в развязывании гражданской войны в Испании и Второй мировой войны в Европе, а также в гибели миллионов военных и гражданских лиц вследствие военных действий, репрессий, принудительного труда и геноцида. Будучи идеологией всеобъемлющей общественной трансформации, реализация которой неизбежно ведет к возникновению тоталитарного политико-военного проекта, фашизм стал результатом мощного роста ультранационализма в Европе XIX века, однако лишь после окончания Первой мировой войны он стал разобщенной политической силой во многих странах европеизированного мира¹. Вызванная войной разруха и последовавшие экономические бедствия в сочетании с падением абсолютистских режимов, большевистской революцией в России и подъемом коммунизма в иных

---

* Перевод статьи «Fascism» в *Encyclopedia of Modern Political Thought* (Ed. G. Claeys. Washington: CQ Press, 2012). Публикуется с любезного разрешения автора и издательства. Ранняя версия перевода публиковалась в журнале *Политические исследования* (2012. № 3). См. также следующие статьи Гриффина на русском языке: Гриффин Р. Революция Правых: Фашизм. 2004. <http://www.fti.dn.ua/~metlov/griffin.html>; он же. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51-63. http://www.shekhovtsov.org/translations/Roger_Griffin-Palingenetic_Community.pdf; он же. От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А. Верховского. М., 2007. С. 223-254. http://www.shekhovtsov.org/translations/Roger_Griffin-From_Slime_Mould_to_Rhizome.pdf; Гриффин Р. Введение к книге *Модернизм и фашизм*. 2009. http://www.shekhovtsov.org/translations/Griffin-Modernism_and_Fascism-Aufbruch.html; он же. 2011. Современное состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неофашизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257-277. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss14/a13Griffin.pdf>. Первые рецензии книг Гриффина вышедшие в российских журналах были: Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Политические исследования. 1996. № 1(31). С. 175-176; Рахшмир П. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 153-157.

¹ Далее см.: Griffin, R. *The Nature of Fascism*. L., 1991; *Fascism* / Ed. R. Griffin. Oxford, 1995; *International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus* / Ed. R. Griffin. L., 1998; *Fascism: Critical Concepts in Political Science*. 5 vols / Ed. R. Griffin, M. Feldman. L., 2003; *Fascism, Totalitarianism and Political Religion* / Ed. R. Griffin). L., 2006; *The Fascist Century: Essays by Roger Griffin* / Ed. M. Feldman. Basingstoke, 2008.

странах серьезно подорвали уверенность в либеральном видении прогресса даже в победивших либеральных государствах.

Фашисты – особенно в межвоенный период – рисовали в своем воображении неминуемую реализацию радикальной, современной и тоталитарной альтернативы абсолютизму, либерализму, коммунизму и военному или консервативному авторитаризму, которая должна была основываться на возросшей власти органически воспринимаемой нации, народа или расы. В широком смысле термин «фашизм» также относится к режимам, массовым движениям, полувоенным элитам или активным лидерам, преданным реализации этого проекта, а также к насилию, политическому курсу, мерам, ритуалам, пропаганде, публицистическим работам, мнениям, поведению, образу мышления и – в последнее время – веб-сайтам, которые посвящены безжалостному осуществлению идеологии тотального этнического или расового новорождения в отдельно взятой стране, Европе или на «Западе» в целом. Парадокс наднационального фашизма объясняется тем фактом, что фашизм – в отличие от теоретического коммунизма (на практике коммунизм всегда реализовывался с привлечением радикального национализма), – будучи крайне этноцентрическим и ультранационалистическим, может, тем не менее, прибегать к интернационализму в рамках представления отдельных попыток возрождения нации, расы или региональной культуры (этноплюрализм) как частных проявлений международной борьбы против общих врагов (например, коммунизма, материализма, иудаизма, исламизма, мультикультурализма, западного загнивания). Попытки основать фашистский интернационал в межвоенный период потерпели неудачу, однако после 1945 года данный аспект фашистской мысли стал играть гораздо более значимую роль в таких феноменах как «вселенский нацизм» и «еврофашизм».

Обычно фашисты видят себя вовлеченными в героическую, меняющую историю борьбу с силами общественного, этнического или цивилизационного упадка (иногда представленного в открыто расовом и биологическом смысле) посредством ново- или возрождения (палингенеза) всего национального политического устройства. Их программа предполагает фундаментальный пересмотр не только ключевых институциональных структур государства, но и общественно-политической культуры и демографического состава, что должно способствовать обновлению физического и нравственного здоровья государства. Критической проверкой этого здоровья, по мнению фашистов, является становление государства как культурной, имперской и военной силы. Однако реализация этой «позитивной» утопической цели – особенно на начальном этапе построения режима – со всей разрушительной мощью проявляется в систематическом насилии и враждебной пропаганде, направленных против предполагаемых агентов упадка, таких как профсоюзы, социалисты, коммунисты, либеральные гуманисты, этнические меньшинства, особенно евреи и цыгане, гомосексуалисты, «упадочные» деятели искусства, иммигранты и их потомки, а также «чуждые» религии. При этом необходимо отметить, что социальные категории, воспринимаемые как «враги»

возрождаемой нации или нового порядка, заметно разнятся в каждом конкретном случае.

Вследствие критики оппонентов фашизма, особенно левых, понимание его идеалистической революционной динамики было затруднено его готовностью к прагматическому сотрудничеству с консервативными институтами (церковью, монархией, консервативными правыми, буржуазией, армией и крупным бизнесом), что компрометировало становление фашистского государства как полностью независимого режима, явно и решительного порвавшего со старым порядком. Будущая динамика фашизма также кажется парадоксальной, учитывая его частые отсылки к идеализированному героическому прошлому и прославление очевидно «регрессивных» ценностей общности, крови и почвы в попытке установления мифических основ и корней нового государства и этнического сообщества. Тем не менее, этот «новый порядок» понимается его наиболее страстными приверженцами как альтернативная современность, в результате реализации которой должны нивелироваться все угрозы, исходящие от материализма, атомизации общества, индивидуализма, либерализма, космополитизма и интернационалистического коммунизма.

Идейная система фашизма

Учитывая уникальное становление каждой разновидности фашизма и его акцент на приоритете действия и героизма над теорией и интеллектом, представляется довольно сложным охарактеризовать его «идейную систему» иначе, чем в самых общих терминах. Каждая его национальная разновидность и каждый элемент отдельно взятой разновидности рационализируются посредством уникального синтеза идей, находящих определенный отклик в рамках той особенной исторической и политической культуры, в которой возникает фашистское движение. Несмотря на то, что нехватки идеологов, артикулирующих фашистское мировоззрение, не наблюдается – некоторые из них преуспели в разработке своих идей в рамках сложного теоретического и академического дискурса – не существует такого фашистского деятеля, который играл бы роль, эквивалентную той, которую сыграли Эдмунд Берк, Джон Стюарт Милль, Карл Маркс, Михаил Бакунин и Ленин для иных идеологий. Однако в идейной системе фашизма существует ряд повторяющихся характеристик. Одна из них – концепция витализма, волюнтаризма и культа мифотворчества как позитивных идей, способствующих «творению» истории вместо ее пассивного понимания. Эти идеи позволяют отнести фашизм к анти-просвещенческой традиции, к которой относятся и такие антипо-

зитивистские мыслители, как Фридрих Ницше, Жорж Сорель и Мартин Хайдеггер².

С этой чертой фашистской идеологии согласуется то, что определяют как «гностическую» концепцию знаний, в рамках которой знания представляются не в рационалистических эмпирических терминах, а в качестве ориентированного на действие, телесного источника идентичности и исторической миссии. В эту же концепцию входит манихейское видение современной цивилизации и определение тех слоев общества или человечества, которые следует подавить, изгнать или уничтожить для возрождения национального сообщества или «Запада» в целом. Восприятие современной истории как театра военных действий между противостоящими силами обновления и упадка также означает, что такие темы, как раса, экономика, закон, технологии или социальное жилье представляются в фашистской идейной системе в рамках палингенетической – или, как часто говорят, «апокалиптической» или «миллениаристской» – концептуальной структуры, в которой хаос, анархия и насилие в современном мире видятся как прелюдия к наступлению новой эпохи, что наделяет всякое насилие очищающим, катарсическим качеством «творческого разрушения» и «позитивного нигилизма».

Будучи разновидностью синкретизма, отдельные фашистские идейные системы включают в себя элементы, заимствованные из естественных и гуманитарных наук, таких как социал-дарвинизм, евгеника, демография и физическая антропология. Они также могут интегрировать искупительный дискурс организованного христианства там, где оно сохраняет доминирующую роль в обществе, подменяя теологическое сотериологическое содержание перспективой коллективного спасения через принадлежность к определенной расе и исторически-сложившемуся «сообществу судьбы», которое должно возникнуть при власти фашизма. Яркие примеры сложного симбиоза, который смог возникнуть между фашизмом и религией, обнаруживаются в фашистской Италии, нацистской Германии, испанском движении «Фаланга», румынской «Железной гвардии» и южноафриканском движении «Оссевабрандваг». Кроме того, даже потерпевшие неудачу формы секулярного фашизма своей мобилизационной силой обязаны не подлинной сверхъестественной религии, а своей способности сакрализировать – посредством мифологизированного дискурса и ритуалов – секулярный проект построения нового национального или расового сообщества в рамках исторического времени, равно как и эффектной демонстрации власти и политической религии, порождаемой фашизмом.

Интеграция некоторых элементов христианской веры или формирование языческой религии расы является еще одной характеристикой фашистской идейной системы, а именно готовностью фашизма к объединению мощной будущей темпоральности, обращенной к становлению нового порядка, и элементов, взя-

---

² Wolin R. *The Seduction of Unreason: The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism*. Princeton, 2006.

тых из чрезвычайно мифологизированного прошлого³. Так, итальянский фашизм прославлял свою «римскость», нацисты – арийское прошлое, а Британский союз фашистов – Елизаветинскую эпоху культурной, коммерческой и политической мощи. В данном контексте представляется целесообразным рассматривать фашизм как разновидность «политического модернизма», сторонники которого видели выход из кризиса современности, проявлявшегося в межвоенную эпоху в политической, экономической, общественной и духовной сферах, в создании новой «корневой» современности. В этом случае новое или возрожденное национальное сообщество, которое было бы способно обеспечить его членов чувством принадлежности, смысла и надежды, можно было бы создать путем повторного «зачарования» мира, уничтоженного такими «упадническими» аспектами современности, как материализм, индивидуализм, атомизация, аномия, коммунизм, расовое смешение и утрата контакта с «кровью и почвой» традиции⁴.

Межвоенный фашизм

В период между двумя мировыми войнами фашистские движения (многие из них были немногочисленными и успешно маргинализированными) возникли в большинстве европейских стран⁵, а также в США, Бразилии, Чили⁶. Наиболее известными из них была испанская «Фаланга», венгерская партия «Скрещенные стрелы», румынский «Легион Архангела Михаила», французский «Огненный крест», Британский союз фашистов, бельгийская Рексистская партия, норвежское «Национальное единение», хорватское движение «Усташи», «Бразильское интегралистское действие», чилийское Национал-социалистическое движение и южно-африканский «Оссеабрандваг». (Имперский режим, установленный в Японии эпохи Сева императором Хирохито, обнаруживал отдельные характеристики Третьего рейха, но уходил корнями в неофеодальную социальную систему, что делало его отличным от фашизма.) Все они особым образом были адаптированы к местным условиям, но все они преследовали одну и ту же химерическую идею неминуемой ультранационалистической революции и зачастую использовали организационные формы, образы и ритуалы, заимствованные из итальянского фашизма и германского нацизма. Кроме того, ощущение «фашистской эпохи», длившейся с 1918 по 1945 гг., усиливалось в то время еще и тем, что все правоавторитарные режимы подверглись процессу «фашизации» (например, в Аргентине, Португалии, Австрии, Польше и балтийских странах), выразившейся в

³ Osborne P. *The Politics of Time: Modernity and the Avant-Garde*. L., 1995.

⁴ Griffin R. 2007. *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler*. L., 2007.

⁵ Випперман В. *Европейский фашизм в сравнении 1922-1982*. Новосибирск, 2000. <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>.

⁶ *Fascism Outside Europe: The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / Ed. S. Larsen. N.Y., 2001.

возникновении феномена, который иногда называют «пара-фашизмом». На ощущение «фашистской эпохи» влияла и широко распространенная интерпретация гражданской войны в Испании как исторической борьбы между фашизмом и коммунизмом за право диктовать будущее Запада. В действительности, фашизм смог в значительной степени завоевать государственную власть только в Италии и Германии, хотя местные фашистские движения кратко делили государственную власть в Румынии, сотрудничали с авторитарным режимом Франко в Испании и режимом Виши Петена во Франции, а также содействовали государственному коллаборационизму с нацистскими оккупантами в Норвегии, Бельгии, Венгрии, Хорватии и Словакии.

Если исследовать проявления межвоенных форм фашизма более детально, то важно различать динамичное, радикальное фашистское движение, в котором утопизм был наиболее ярко выдержан, и фашистский режим, где соображения целесообразности и реальной политики вышли на первый план в отношении «прививания» нового порядка на существующее государство и общество. Так, «полицентрическое» государство Третьего рейха сохранило элементы Веймарского и вильгельмовского порядка, а в фашистской Италии сохранились многие составляющие до-фашистского времени. Также важно отметить, что все значительные формы фашизма включали в себя самые различные идеологические течения, что делает опасным обобщения касательно идейной системы фашизма межвоенного периода помимо указания на общую приверженность призрачному мифу национального возрождения.

Результаты недавних исследований, в которых делается упор на современной, палингенетической динамике фашистской идейной системы, какой бы рационализированной и наукообразной она ни была, позволяют подтвердить отношение фашизма к современности. Как марксисты, так и не-марксисты обычно считали, что фашизм был анти-современным и смотрел в прошлое, несмотря на то, что некоторые формы фашизма (нацизм, итальянский фашизм, Британский союз фашистов, «Бразильское действие») делали особый акцент на технократическом аспекте своих проектов. Например, в итальянском фашизме воспевание «римскости» сопровождалось масштабными общественными работами по модернизации инфраструктуры государства и прославлением таких вещей, как аэропланы, модернистские здания, городское планирование, социальное обеспечение и синтетические волокна. В технологической области нацизм был еще более эффективным – это касалось транспортной сферы, реактивных двигателей, военных технологий, равно как и использования евгеники и промышленных методов массовых убийств. В обоих обществах были предприняты колоссальные усилия по продвижению социальной инженерии, направленной на создание нового гражданина и «нового человека», чтобы вытянуть общество из водоворота 1920-х гг. В области искусства и архитектуры создавались грандиозные культурные и строительные проекты, пронизанные модернистским духом, хотя, с эстетической точки зрения, нацисты и осуждали большую часть современного экспериментально-

го искусства, считая его «упадническим». Таким образом, вполне оправданно говорить о попытке фашизма осуществить «социальную», «культурную» и даже «антропологическую» революцию, не забывая, естественно, о тех многообразных формах, которые принимала фашистская культура.

Послевоенный фашизм

После поражения сил Оси в 1945 году, восстановления либерализма и капитализма, а также шокирующего обнаружения миллионов жестоких преступлений, совершенных на нацистских «полях смерти», в концентрационных лагерях и лагерях смерти, фактически во всем мире исчезли те исторические условия, которые могли бы породить массовую поддержку той или иной национальной формы фашизма. В частности, история нацизма показала всем, кроме самых фанатичных расистов, фундаментальный утопизм фашистского видения альтернативной современности и системную бесчеловечность, ставшую результатом претворения в жизнь теоретических нападок фашистов на либеральную демократию, коммунизм, мультикультурализм и человечество в целом. Война также обнажила ту бездну, которая разделяла риторику фашистского режима и те изменения, которые он смог реализовать. Она также показала катастрофические последствия функционирования режима, основанного на милитаризации и категоризации общества, символом которых стало превращение крупных немецких городов в руины. Фашизм уже не был – как это казалось его сторонникам до 1945 года – той силой, которая определяла эпоху. Таким образом, у фашизма возникли серьезные проблемы с возвращением в политическое пространство.

В результате этого послевоенные попытки напрямую имитировать межвоенные фашистские партии (без полувоенных подразделений, которые были для них характерны) или же полувоенные формирования (без сопутствующей политической партии), преследовавшие цели национального возрождения, не имели успеха. Наиболее эффективным из этих организаций, а именно Итальянскому социальному движению и Национал-демократической партии Германии, пришлось в значительной мере скрывать степень своих исторических связей и симпатий относительно режимов Муссолини и Гитлера, а также создавать видимость демократических намерений⁷. Те организации, которые признали провал «миметического» фашизма⁸, были вынуждены прибегнуть к ряду идеологических, тактических и организационных трансформаций ради сохранения – пусть и призрачной – перспективы фашистской революции в условиях, когда политическое пространство для маневров радикально сузилось из-за их ассоциации с Третьим рейхом. Это пространство еще больше сократилось вследствие подъема правора-

⁷ Eatwell R. *Fascism: A History*. L., 2003.

⁸ Миметический – подражательный, похожий, сходный (прим. ред.).

дикальных популистских партий, которые – какими бы антидемократическими ни были их внутренние убеждения – направили этноцентризм, ксенофобию и расовую ненависть в не-революционные, электоральные формы идентичностной политики. Значительные праворадикальные популистские партии возникли в Скандинавии, Нидерландах, Бельгии, Франции, Венгрии, Швейцарии, Австрии и Италии, лишив фашистские группы части их потенциальной общественной поддержки, но при этом сохраняя тайные связи с экстремистами⁹. В данном контексте французский «Национальный фронт» является модельной партией. Симптоматичным для смены тактики революционных националистов и расистов является то, что фашистские группы самого разного толка вывели борьбу с либерализмом и коммунизмом за пределы партийной политики. Следствием этого шага стала малая вероятность обнаружения фашистской угрозы демократическим институтам с помощью дефиниционных критериев межвоенного времени.

Изначально наиболее значительным организационным развитием этих организаций была «группускуляризация». Традиционные фашисты, которые сохраняли революционные амбиции, но при этом более не пытались сформировать или присоединиться к массовым партиям во главе с харизматическими лидерами, нашли выход для своего отвращения к либеральной демократии в формировании небольших групп, состав которых не превышал несколько сотен активных членов. Эти группускулы не обладали статусом политических партий, у них не было униформ или харизматических лидеров, а об их существовании можно было узнать лишь из редкой листовки. Однако в совокупности эти группускулы, в некоторые из которых входили самозванные воинствующие или полувоенные кадры, гарантировали сохранение и поддержку радикальных форм ультранационалистического или расистского фашизма во всем западном мире¹⁰. Группускулы не сконцентрировались в заметные «древовидные» организации (имеющие главный ствол и ветви), а стали «ризоматическим»¹¹ субкультурным фактором.

С точки зрения идеологии, одним из наиболее существенных изменений была интернационализация фашистского видения мира. В результате этого процесса вскоре после окончания войны появились различные формы еврофашизма и «вселенского» нацизма, предполагающего глобальную борьбу за белое превосходство и получившего распространение от Калифорнии до России и Австралии¹². Одной из современных разновидностей этих течений является Международная Третья Позиция, сторонники которой пытались в самый разгар «холодной войны» установить идеологические связи между европейским фашизмом и та-

⁹ Die Dynamik der europäischen Rechten: Geschichte, Kontinuitäten und Wandel / Ed. C. Globisch, A. Pufelska, V. Weiss. Wiesbaden, 2010.

¹⁰ Encyclopedia of the Far Right in Europe / Ed. P. Davies. Oxford, 2008.

¹¹ Ризома (фр. Rhizome – корневище) – понятие философии постмодерна, фиксирующее принципиально нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность как для внутренней имманентной подвижности, так и для интерпретационного плюрализма. См.: Новейший философский словарь.

¹² Coogan K. 1999. Dreamer of the Day: Francis Parker Yockey and the Postwar Fascist International. N.Y., 1999.

кими странами как каддафистская Ливия, которые искали (именно так представляли себе еврофашисты) некий «третий путь» между капитализмом и коммунизмом. Другая группа считала себя «политическими солдатами» – их деятельность состояла в осуществлении спорадических террористических актов против Системы, как это случилось в Италии и Германии в 1970-х гг. Логическим следствием создания альянсов между фашистами и другими врагами «Запада» стало то, что отдельные фашисты-международники начали принимать ислам, в особенности после событий 11 сентября 2001 года¹³. Совершенно иная тактика организации восстания против современного мира, уходящая корнями в фашистскую идейную систему, возникла в конце 1960-х гг. с появлением группы «новых правых», объединившей последователей плодовитого интеллектуала-самоучки Алена де Бенуа. Приверженцы новой тактики, публицистические работы которых заняли заметное место на периферии мейнстрима, оставили как электоральную политику, так и насилие ради «метapolитики». Они намеренно дистанцировались от биологического расизма и связей с историческими формами фашизма и сконцентрировались на эрудированной культурной критике либерального и марксистского гуманизма, а также на прославлении культурного наследия и дифференциации, с целью достижения «культурной гегемонии» антидемократических правых. Практическая реализация данной тактики, получившей название «правый грамшизм», приняла форму согласованной, но часто закодированной атаки на мультикультурализм и плюралистическую демократию во имя сохранения национальной однородности. Статьи и книги «новых правых» должны, по их мнению, служить идеологическим фундаментом будущей исторической трансформации панъевропейского духа в неофашистском направлении. Франция, Германия и Италия стали родиной особенно активных форм новоправого «дифференциалистского расизма», однако помимо разработки детального обоснования атаки на плюралистическую демократию, они не имеют заметного влияния на демократическую политику¹⁴. Исключением является Россия, где Александр Дугин – главный проповедник явно фашистских новоправых идей – занимает академический пост и имеет очевидное влияние на мейнстримную политику в России и в других странах (например, в Турции), ведущих борьбу за культурную гегемонию против «Запада»¹⁵.

Еще более значимым процессом, чем метapolитизация, стала виртуализация фашистской идейной системы и пропаганды посредством обширной сети веб-

---

¹³ Michael G. *The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right*. Lawrence, 2006.

¹⁴ Bar-On T. *Where Have All the Fascists Gone?* Burlington, 2007.

¹⁵ Шеховцов А. Палингенетический проект неоевразийства: идеи возрождения в мировоззрении Александра Дугина // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2009. № 2. С. 105-126. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss12/7Shekhovtsov.pdf>; Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве»: о значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2009. № 2. С. 127-141. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss12/8Umland%20Pathological.pdf>.

сайтов, посвященных нападкам на врагов национального или расового возрождения, сопровождающимся такой неприкрытой ненавистью и угрозами насилия, которые были бы немыслимы в «реальном» общественном и политическом пространстве. Тематика этих веб-сайтов совпадает с образами глобального расового Армагеддона, которые превратили *Дневники Тернера* Уильяма Пирса в международный бестселлер неонацизма¹⁶. На киберфашизме лежит ответственность за сохранение наиболее радикальных форм фашистской идейной системы и за радикализацию многочисленных фашистских активистов. Самые четкие следы межвоенного фашизма – наиболее радикальные в теории и смертельные по смыслу – можно обнаружить в тщательно спланированных террористических актах против гражданского общества, совершенных Тимоти МакВеем (1995), Дэвидом Коуплендом (1999) и Андерсом Брейвиком (2011)¹⁷.

За время, прошедшее с 1945 года, фашизм исчерпал свою революционную энергию. Тем не менее, в некоторых новых послевоенных обличиях он сохранил на ограниченном локальном уровне часть своего потенциала. Это позволяет фашистам распространять расовую ненависть, сеять страх среди этнических и религиозных меньшинств, а также планировать и при случае осуществлять террористические акции, направленные против «упаднического» гражданского общества, что вызывает повсеместное (хотя и временное) ощущение общенациональной чрезвычайной ситуации. Для бескомпромиссных фашистов этот упадок может по-прежнему воплощаться в их традиционных врагах – евреях, гомосексуалистах, представительной демократии и левых. Однако в настоящее время углубляющийся упадок все чаще связывается с попыткой современной демократии интегрировать в общество афроамериканцев, афрокарибцев, мусульман и другие этнические и религиозные меньшинства. Упадок также связывается с программой мультикультурного, многоконфессионального общества, «одномирным» эгалитарным видением человечества, воплощенном в ООН, «Большой семерке» и потребительском «МакМире», а также с размытием уникальных этнических идентичностей, «исламизацией» Запада и утратой культурного наследия и коллективной национальной или расовой памяти.

Дебаты о дефиниции фашизма

Предложенная выше характеристика фашизма не может претендовать на нечто большее, чем отражение широкого спектра современных экспертных мнений¹⁸. Точный смысл термина в рамках гуманитарных наук, равно как и его эвристиче-

¹⁶ MacDonald A. [псевдоним от Pierce W.] *The Turner Diaries: A Novel*. N.Y., 1996.

¹⁷ Griffin R. *Terrorist's Creed: Fanatical Violence and the Human Need for Meaning*. L., 2012.

¹⁸ *The Fascism Reader* / Ed. A. Kallis. Abingdon, 2003; *World Fascism: A Historical Encyclopedia*. 2 vols / Ed. C. Blamires. Santa Barbara, 2006.

ская ценность для исторической науки, многократно оспаривались в прошлом¹⁹, причем в каждом национальном контексте возникали свои дебаты о смысле и значении «фашизма»²⁰. Еще более усложнило ситуацию то, что за пределами научного мира это понятие выродилось в грубый оскорбительный термин, обозначающий авторитаризм, драконовскую регламентацию жизни или фанатизм по тому или иному поводу. Примерами последнего являются «экофашизм», «гомофашизм», «гламурный фашизм», «стилевой фашизм», «телесный фашизм», «диетический фашизм» или еще более спорный «исламофашизм». Ценность термина как высокоточного инструмента исторического анализа также снизилась вследствие того, что с 1920-х годов марксисты рассматривали крайний национализм фашизма и его попытки использовать (а не уничтожить) капитализм в целях общественно-политической трансформации как признак преимущественно реакционной или, в лучшем случае, контрреволюционной динамики фашизма. Это справедливо как для советской «теории агентства», в рамках которой фашизм представляется орудием финансового капитала, так и для «бонапартистской теории», согласно которой фашизм был полуавтономной фракцией, которая пользовалась искренней массовой поддержкой в межвоенной Европе, но при этом обслуживала интересы буржуазии в период классовой борьбы и национального кризиса, несмотря на заверения в обратном (по примеру Наполеона Бонапарта).

Что касается немарксистской традиции, то в «либеральных» научных кругах долгое время наблюдался запутанный конгломерат мнений относительно фашизма. Однако недавно в англоязычной академии возникла относительно связная и убедительная интерпретация фашизма, основанная на новаторских теориях Юджина Вебера²¹, Джорджа Моссе²², Хуана Линца²³ и Стенли Пейна²⁴ и получившая

---

¹⁹ Напр.: Галкин А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Политические исследования. 1995. № 2. С. 6-15. http://polis.isras.ru/files/File/puvlication/1995-2/1995_2_Galkin.pdf; Умланд А. Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5. С. 116-122. <http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/umland.html>.

²⁰ *Faschismus – kontrovers* / Ed. W. Loh, W. Wippermann. Stuttgart, 2003; *Fascism: Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / Ed. R. Griffin, W. Loh, A. Umland. Stuttgart, 2006. Рецензии последней книги вышедшие в российских журналах: Блэмирес К. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // Политическая экспертиза. 2006. № 4. С. 261-263. <http://www.politex.info/content/view/291/30/>; Гуторов В. 2006. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // Политическая экспертиза. 2006. № 4. С. 263-271. <http://www.politex.info/content/view/290/30/>; Алленов С. Фашизм – многоликий и ...безликий? // Политические исследования. 2007. № 2. С. 180-185; Люкс Л. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 189-190. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss9/10Rezensio nen2.pdf>; Шеховцов А. Рецензия на *Fascism Past and Present, West and East* // *Laboratorium*. 2011. № 2. С. 107-110. http://www.soclabo.org/UserFiles/Journal/2011.02/Art_pdf/10_AS_rev.pdf.

²¹ Weber E. *Varieties of Fascism: Doctrines of Revolution in the Twentieth Century*. Princeton, 1964.

²² Mosse G. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars Through the Third Reich*. N.Y., 1975; idem. *The Fascist Revolution*. N.Y., 1999.

²³ Linz J. *Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective* // *Fascism: A Reader's Guide* / Ed. W. Laqueur. Berkeley, 1976. P. 8^s 121.

²⁴ Payne S. *Fascism: Comparison and Definition*. Madison, 1983.

развитие в исследованиях главного итальянского историка фашизма Эмилио Джентиле²⁵ – в противоположность известным, но несколько туманным интерпретациям Эрнста Нольте²⁶. К концу 1990-х гг. уже стало общим академическим принципом признание существования фашистской идеологии, направленной на очищение органически интерпретируемой нации от признаков упадка и ее возрождение в рамках пост-монархического, пост-либерального или пост-коммунистического «нового порядка» – процесс, сопровождаемый антропологической революцией посредством социальной инженерии «нового человека». Иногда данную интерпретацию фашизма называют «новым консенсусом», несмотря на ее решительное опровержение отдельными академиками, такими как Ричард Босворт (Австралия)²⁷, А. Джеймс Грегор (США)²⁸, Кевин Пассмор (Соединенное Королевство)²⁹, Вольфганг Випперман³⁰ и Арнд Бауэркэмпер (Германия)³¹, и ограниченную распространенность в Италии, Германии и Франции. Многие ученые, занимающиеся историей экстремизма, по-прежнему используют специфические дефиниции фашизма, как, например, Уолтер Лакер³², чье определение термина включает в себя исламизм, который большинство академиков считают отдельным феноменом, учитывая его происхождение из ультра-консерватизма традиционной религии. Тем не менее, «новый консенсус» уже становится некоторым «стандартом» во многих странах, считающихся «периферией» мейнстримного фашизма, например, в Румынии, Венгрии, скандинавских и балтийских странах, а также в странах бывшей Югославии и Иберийского полуострова. Использование подходов, основанных на «новом консенсусе», привело к повышению как количества, так и качества новых исследований фашизма³³.

Тем временем, следует настороженно относиться к книге Йоны Голдберга с внутренне противоречивым названием *Либеральный фашизм*³⁴, несмотря на ее статус бестселлера и влияние в праволиберальных кругах США. В своей книге Голдберг пытается подражать научному дискурсу, чтобы убедить простодушных читателей с республиканскими взглядами в том, что сущность фашизма лежит в основе той же самой левой политической традиции, возникшей в «Новом курсе» Теодора Рузвельта и достигшей апогея в либеральной политике государственного вмешательства при Бараке Обаме. Его книга является не чем иным, как цинич-

²⁵ Gentile E. *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*. Cambridge, Mass., 1996.

²⁶ Nolte E. *Three Faces of Fascism: Action Francaise, Italian Fascism, National Socialism*. N.Y., 1966; Нольте Э. *Фашизм в его эпохе*. Новосибирск, 2001. <http://modernproblems.org.ru/hisrory/174-nolte-1.html>.

²⁷ *The Oxford Handbook of Fascism* / Ed. R. Bosworth. Oxford, 2009.

²⁸ Gregor A. *The Search for Neofascism: The Use and Abuse of Social Science*. Cambridge, 2006.

²⁹ Passmore K. *Fascism: A Very Short Introduction*. Oxford, 2002.

³⁰ Wippermann W. *Faschismus: Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert bis heute*. Darmstadt, 2009.

³¹ Bauerkämper A. *Der Faschismus in Europa 1918-1945*. Stuttgart, 2006.

³² Laqueur W. *Fascism: Past, Present, Future*. Oxford, 1997.

³³ Умланд А. *Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг.* // Агентство политических новостей, 10 апреля 2008. <http://www.apn.ru/publications/article19710.htm>.

³⁴ Goldberg J. *Liberal Fascism*. N.Y., 2008.

ным пропагандистским упражнением в клевете, в чем должны отдавать себе отчет все серьезные исследователи, независимо от их политических взглядов. Фашизм был и в некоторых случаях до сих пор является гибридом крайне правых и крайне левых элементов, что выражается во фразе «национал-социализм» (Муссолини использовал этот термин еще в 1917 году), и предлагает революционную альтернативу либеральной демократии. Однако ретуширование абсолютно антилиберальной, правой сущности фашизма и использование его в качестве уничижительного термина для очернения левых реформистов является деградацией политического языка и принципов, каким бы приемлемым такой подход ни казался тем, кто мотивируется не поиском академической истины, а партийными интересами.

*Перевод с английского: Антон Шеховцов.
Под редакцией Андреаса Умланда.*